

остановить печатанье романа на 4—6 недель,²⁹ дать автору возможность спокойно окончить его и *третью часть* (вот для меня повесть?! — значит, еще и 3-я часть? Сколько же глав?) перенести на конец года.³⁰

Мне кажется, что и в самом деле это было бы прекрасно! И что же, как Вы решились? Если бы было можно перенести и на другой год часть, то от этого и подписка бы выиграла, хотя публика немного бы и посердилась. А между тем, как бы то ни было, но мне *надо* продолжать иллюстрировать, раз роман еще так долго протянется, и я страшно сожалею, что обстоятельства так складывались, что я не мог за наименьшим вовремя текста пропустить некоторые живописные моменты.

Но Вы не можете себе представить, сколько мне придется давать ответов на расспросы, письма и прочее». «Отчего моих иллюстраций больше не видят в „Ниве“ и т. д. Извольте всем объяснять одно и то же! Я не знаю, что мне делать? Ведь трудно понять и поверить, что «текст не готов», «не вовремя получается» и т. д. Как мне быть? Жду от Вас сведений, и, ради бога, поскорее выплите имеющийся текст. Всего хорошего!

Глубокоуважающий Вас и преданный Вам

Л. Пастернак.

Р. S. Так и лето прошло, и здоровье не совсем поправилось, и вот теперь снова за работу!..

Москва, 16 сентября 99 года
Училище живописи.
Мясницкая.

К. М. АЗАДОВСКИЙ

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО Н. А. КЛЮЕВА

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Н. А. Клюев (1884?—1937) — поэт малоизученный. Многие не выявлено и в биографии Клюева — она изобилует «белыми пятнами». В особенности же не прояснен первый период творчества поэта (хронологические рамки — 1904—1912 годы¹). Это не вызывает удивления. До 1912 года Клюев почти безвыездно жил на Севере, в отдаленной олонечкой деревне. Его контакты с литературным миром Петербурга и Москвы в эти годы весьма ограничены. Кроме того, начиная с 1906 года жизнь Клюева протекает в «полуконспиративных» условиях: олонечкая полиция держит его под постоянным и пристальным надзором. Опасаясь, что его переписка контролируется, поэт соблюдает осторожность и в своих письмах почти не высказывается «по существу». Что же касается архива Клюева, то он считается утраченным. Поэтому число документов, способных пролить свет на деятельность Клюева во второй половине 900-х годов, крайне незначительно.

Между тем период 1904—1912 годов (особенно 1907—1912 годы) чрезвычайно важен как существенный этап в становлении Клюева-художника. Именно в эти годы — в неустанных исканиях — Клюев вырабатывает и собственное мироотношение, и самостоятельную поэтическую систему. Обращение к истокам клюевской поэзии создает перспективу, необходимую для оценки его творчества в целом.

Задача настоящей статьи — дать новые сведения о молодом Клюеве. Участие поэта в первой русской революции, круг его знакомств и связей в 1907—1912 годах, его взгляды и творческие устремления тех лет — все это либо совсем неизвестно, либо требует дополнительных уточнений. В статье цитируются новонайденные стихотворения Клюева, относящиеся к 1907—1909 годам.

²⁹ В «Ниве» (1899, № 38, стр. 717) опубликовано редакционное заявление о перерыве в печатании «Воскресения» на шесть недель в связи с болезнью Л. Толстого.

³⁰ В третьей части романа «Воскресение» — 28 глав. Последняя печаталась в № 52 за 1899 год.

¹ 1904 — год первого выступления Клюева в печати (сб. «Новые поэты», СПб., 1904); 1912 — год выхода в свет его первых сборников: «Сосен перезвон» (фактически книга выпущена в ноябре 1911 года) и «Братские песни» (изданы в мае 1912 года). Кроме того, в августе 1912 года в дешевой серии «Библиотека „Новая земля“» появились две брошюры Клюева «Братские песни» и «Лесные были». Все эти издания (особенно «Сосен перезвон») — итоговые для молодого Клюева. С них начинается его известность как самобытного русского поэта.

«Впервые я сидел в остроге 18 годов отроду, безусый, тоненький, голосок с серебряной трещинкой. Начальство почитало меня опасным и „тайным“. Когда перевозили из острога в губернскую тюрьму, то заковали меня в ножные кандалы. Плакал я, на цепи свои глядя. Через годы память о них сердце мне гложет». Так спустя много лет рассказывал сам Ключев,² вспоминая о событиях 1906 года, когда за свою антиправительственную деятельность он был арестован и заключен в тюрьму. Четыре месяца (с 25 января по 26 мая) Ключев провел в Вытегорской уездной тюрьме (которую он называет «острогом»), а затем был переведен в «губернскую» (в Петрозаводск), где пробыл еще два месяца (до 26 июля). Что же послужило причиной ареста Ключева?

Деятельность Ключева в 1905 году была весьма активной. Ключев занимался пропагандой среди крестьян северных губерний, ходил из деревни в деревню, распространял прокламации и призывал местное население к неповиновению властям. В настоящее время установлено, что Ключев был связан с Всероссийским крестьянским союзом, внепартийной демократической организацией, созданной в 1905 году. Эта организация, «безусловно революционная в своей основе»,³ объединяла в своих рядах наиболее сознательных представителей российского крестьянства. Уведомляя Департамент полиции о «возбуждении дознания», Олонецкий губернатор писал в Петербург «об арестовании им, в порядке охраны, сына отставного фельдфебеля Николая Алексеева Ключева за подстрекательство крестьян к неплатежу податей и в агитации среди крестьян противозаконных идей Всероссийского крестьянского союза...»⁴ В письме самого Ключева к политическим ссыльным в Каргополь (письмо не датировано, видимо, март 1906 года)⁵ сказано: «Я, Николай Ключев, за Крестьянский союз и за все его последствия. Знаю из центров только один, — а именно: Бюро содействия Крестьянскому союзу в Петербурге — Забалканский проспект № 33. Бюро высылает книги и брошюры <...> Отдав себя в полное распоряжение Бюро и поселившись в Макачевской волости Олонецкой губернии Вытегорского уезда, я делал, что мог, свято веря в счастливый исход. Я отдал все, что имел, не пожалев себя и старых бедных родителей...»⁶ В этом же письме Ключев сообщает, что властям известен лишь один факт его революционной деятельности: агитация среди крестьян Пятницкого общества Макачевской волости.⁷ «За это только меня и обвиняют, в остальном же меня только подозревают».

Ключев заблуждался: олонечким жандармам было известно если не все, то, во всяком случае, многое. Дела, заведенные на Ключева в Вытегре и в Петрозаводске, содержат немало любопытных сведений о его деятельности в 1905—1906 годах. Приведем лишь некоторые из них.

31 января 1906 года ротмистр Павлов, помощник начальника Олонецкого губернского жандармского управления, рассмотрев донесения Вытегорского уездного исправника, «нашел следующее: 1) 22-го января 1906 года во время схода крестьян Пятницкого общества в дер. Косицкой пришел крестьянин Николай Ключев и, вынув из книжки какой-то печатный приговор, начал его читать собравшимся на сходе. По прочтении приговора Николай Ключев предложил присутствовавшим его подписать, говоря, что после подписания крестьянами этого приговора начальства у них не будет, и при этом, обращаясь к крестьянам, прибавил: „Начальники ваши кровопийцы, добра вам не желают; по милости их все требуется с крестьян“, 2) За несколько дней до схода 22-го января Николай Ключев заходил в волостное правление и здесь, в разговоре с крестьянином Насонковым, советовал ему не платить податей и говорил, что крестьянам нужно отобрать землю от попов и 3) Летом минувшего года, воспользовавшись отсутствием учителя Верхнепятницкого земского училища, Николай Ключев пришел в училище и говорил ученикам Гуляеву, Логинову и Белоусову, что крестьяне напрасно платят казенные сборы и разные подати, что все

² Запись, сделанная со слов Н. А. Ключева его близким другом Н. И. Архиповым в январе 1923 года. Государственный литературный музей (далее: ГЛМ), ф. 99, ед. хр. 118. О Н. И. Архипове см. подробнее в сообщении А. Грунтова «Похвала народной песне и музыке» («Север», 1968, № 2, стр. 92—93).

³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 334.

⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее: ЦГАОР), ф. 7, ед. хр. 1567, л. 4.

⁵ Письмо хранится в Центральном государственном архиве КАССР (далее: ЦГА КАССР); обнаружено А. К. Грунтовым. См.: А. К. Грунтов. Материалы к биографии Н. А. Ключева. «Русская литература», 1973, № 1, стр. 118—126.

⁶ ЦГА КАССР, ф. 19, оп. 2, д. 30/4, л. 36.

⁷ На сходе крестьян Пятницкого общества 22 января 1906 года Ключев был избран уполномоченным в Государственную думу (ЦГА КАССР, ф. 1, оп. 5, д. 15/73, л. 1).

получаемые с крестьян деньги идут в карманы начальства, которое через это богатеет, и что начальство это нужно бить».⁸

Рапорт Вытегорского уездного исправника Качалова содержал дополнительные данные о Клюеве: «...к исполнению всех изложенных обвинений, падающих на Клюева, я имею сведения, что он, будучи на прошедших святках в городе Вытегре, был на маскараде в общественном собрании, одетый в женское платье, старухой, и здесь подпевал вполголоса какие-то песни: „Встань, подымись, русский народ“ — и еще песню, из которой мне переданы только слова: „И мы водрузим на земле красное знамя труда“. При этом <...> Клюев <...> проводя разговоры о политических делах и беспорядках, выражался, что и 50 000 крестьян Олонецкой губернии всем недовольны и готовы к возмущению».⁹

Однако Клюев принял участие в революции 1905 года не только как агитатор. Могучий общественный подъем, охвативший Россию, пробудил и выявил поэтическое дарование Клюева. Опубликовав пять своих стихотворений в сборниках «Волны» и «Прибой» (М., 1905), изданных «Народным кружком» П. А. Травина,¹⁰ молодой Клюев заявил о себе как бунтарски настроенный поэт. Освобождение народа от векового рабства и наступление долгожданной свободы — вот основная тема клюевских стихотворений 1905 года. Поэт жаждет обновления жизни и верит, что оно свершится с приходом Революции. «Порывы кипучие», увлекающие поэта, особенно ощутимы в «Гимне свободе». Однако важно отметить, что и в 1905 году — в апогей революции — Клюев воспринимает ее не столько в социальном, сколько в религиозном плане. Бунтарские устремления Клюева — при всей их «левизне» — были в конечном итоге направлены на осуществление его религиозных (в духе раннего христианства) чаяний. Революция представлялась Клюеву наступлением царства божьего, а долгожданное освобождение крестьян от нищеты и рабства было для него равносильно воплощению древних христианских заветов. Это роднит Клюева с русскими сектантами, религиозность которых выражала, как правило, социальный протест. Воспитанный в старообрядческой среде (мать Клюева была староверкой), поэт с ранней юности был захвачен сектантскими идеями и настроениями, весьма распространенными тогда на Севере. Глубоко усвоив мятежный дух русского сектантства, его «антигосударственность» и «антицерковность», Клюев тем не менее был далек от подлинной революционности. Встречая свободу, люди «братски» обнимают друг друга и — в изображении Клюева — наряду с новыми революционными песнями слагают «новые молитвы» («Гимн свободе»). Эта черта — слияние мятежного и религиозного начал — и определяет основную направленность творчества молодого Клюева.

Появление стихов Клюева в сборниках «Новые поэты», «Волна» и «Прибой» — факт не случайный. Уже в 1904—1905 годах у Клюева установились отношения с «народнически» настроенными кругами русской интеллигенции. Клюева всегда тянуло к людям, которые выступали от имени народа и боролись за его интересы.

Активным деятелем народнического толка был, например, Петр Александрович Травин (1877—1942), инициатор многих общедоступных изданий, не раз сидевший в тюрьме за свои убеждения. В течение второй половины 1905 года Клюев поддерживал с «Народным кружком» самые тесные отношения. Это подтверждают материалы, отобранные у Клюева при обыске в январе 1906 года: «открытое письмо от Народного кружка из Москвы, указывающее, что Клюев посылает туда свои сочинения, <...> объявление, печатанное на машине от Народного кружка об издании периодических выпусков „Народной мысли“» и, наконец, «письмо на одной четвертине почтовой бумаги от председателя Народного кружка от 17 июня 1905 г.»¹¹ При обыске были также изъяты «собственноручные записи Клюева преступного содержания».¹²

Шестимесячное пребывание в тюрьме не сломило Клюева. Оказавшись на свободе, он возвращается к нелегальной деятельности, продолжает, как и прежде, настойчиво искать контактов с единомышленниками.¹³ Олонецкое жандармское управление, видимо, не ошибалось, когда в марте 1906 года сообщало в Петербург о явном стремлении Клюева «войти в связь с социал-демократами и революционерами».¹⁴

⁸ ГЛМ, ф. 99, ед. хр. 120, л. 1.

⁹ ЦГА КАСР, ф. 1, оп. 5, д. 15/73, лл. 4—5.

¹⁰ В своей «Автобиографии» Травин рассказывает: «В 1905 году я организовал кружок „Народный кружок“, который выпустил 4 сборника: „Утро“, „Волны“, „Прибой“ и „Огни“» (рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (далее: ИРЛИ), ф. 586, оп. 1, ед. хр. 387, л. 1 об.).

¹¹ ЦГА КАСР, ф. 1, оп. 5, д. 15/73, л. 2.

¹² ЦГАОР, ф. 7, ед. хр. 1567, ч. 1, л. 2.

¹³ См.: В. Рупов. Новое о Николае Клюеве. «На рубеже», 1964, № 4, стр. 111—112.

¹⁴ ЦГА КАСР, ф. 19, оп. 2, д. 31/9, л. 86; см. также: ЦГАОР, ф. 7, ед. хр. 1567, л. 7.

В рукописном отделе Института русской литературы хранится интересный документ — письмо (недатированное) Н. А. Клюева к неизвестной. Вот его полный текст:

«Здравствуйте, Елена Михайловна!

Решился опять написать Вам — от Леонида Дмитриевича не получаю ничего, он велел мне писать В. С. Миролубову, Тверская 12, я послал ему два заказных письма, но ответа не получал. Смеею просить Вас — передать присланные стихи Миролубову — или Л. Д.

Простите, пожалуйста, что я Вам пишу, но, поверьте, иначе не могу, не могу прямо-таки терпеть безответности. Очень тяжело не делиться с Леонидом Дмитриевичем написанным. Если б Вы знали мои чувства к нему — каждое его слово меня окрыляет — мне становится легче. 23 октября меня вновь зовут в солдаты — и мне страшно потерять из виду Леонида Дмитриевича — он мое утешенье.

9 месяцев прошло со дня моего свидания с Л. Д., тяжелы они были — долгие, долгие... И только, как свет небесный, изредка приходили его письма — скажите ему об этом.

Прошу Вас — отпишите до 23 октября, — а потом пооди знай, — куда моя голова покатится.

Буду ждать письма вскорости.

Адрес: Олонецкая губ., Вытегорский уезд, станция Мариинская, деревня Желвачево, Николаю Клюеву».¹⁵

Датировать данное письмо несложно. Клюев был призван на военную службу осенью 1907 года. В своем первом письме к А. А. Блоку (начало октября 1907 года) Клюев указывает ту же самую дату — 23 октября.¹⁶ Следовательно, письмо написано в конце сентября — начале октября 1907 года в деревне Желвачево, где жил тогда Клюев вместе со своими родителями. Письмо было отправлено в Петербург Елене Михайловне Добролюбовой (1882—?).

Семья Добролюбовых была в начале века хорошо известна в столичном литературном мире. Она состояла из четырех братьев (Александр, Георгий, Константин и Владимир), четырех сестер (Мария, Елена, Лидия и Ирина) и их матери — Марии Генриховны. (Отец — Михаил Александрович, действительный статский советник, умер в 1892 году от разрыва сердца). Наибольшую известность снискал себе старший брат — А. М. Добролюбов (1876—1944?). Поэт, представитель раннего русского символизма (первая его книга вышла в 1895 году), Александр Добролюбов был своеобразной личностью. Внимание к нему, однако, объяснялось не столько его стихами, сколько его шумевшим «уходом». В 1898 году, пережив глубокий нравственный кризис, Добролюбов отказался от литературного творчества, порвал со своим кругом и «ушел в народ». В течение многих лет он странствовал по России, проповедуя свои социальные и религиозные взгляды. Добролюбов призывал к «молчанию», которое считал наиболее адекватной формой выражения «невывразимого». Ему удалось приобрести влияние среди известной части русского крестьянства, особенно в Самарской и Оренбургской губерниях («добролюбовцы»). Добролюбов был знаком с Л. Толстым, который высоко отзывался о человеческих качествах «брата Александра», но не принимал некоторых аспектов его мистического учения. Неизгладимое впечатление Добролюбов произвел на молодого Брюсова (их знакомство относится к 1894 году). Брюсов переписывался с Добролюбовым, поддерживал его, издавал его сочинения. Долголетние дружеские отношения связывали Добролюбова с женой и сестрой Брюсова. Личность Добролюбова привлекала к себе молодого Блока (см. его стихотворение 1903 года «А. М. Добролюбов») и некоторых других русских литераторов начала века.¹⁷

Был ли Клюев лично знаком с А. М. Добролюбовым, встречался ли с ним? Окончательного ответа на этот вопрос мы пока что не имеем. В рукописном отделе Государственного литературного музея хранятся четыре письма, адресованные Клюеву и отправленные из г. Чарджуя (ныне — г. Чарджоу Туркменской ССР). Письма относятся к 1914—1915 годам; три из них подписаны — «твой Александр».¹⁸

¹⁵ ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1824.

¹⁶ Центральный Государственный архив литературы и искусства (далее: ЦГАЛИ), ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

¹⁷ Подробнее о А. М. Добролюбове см. статьи С. А. Венгерова и В. В. Гиппиуса в кн.: Русская литература XX века. 1890—1910. Под редакцией проф. С. А. Венгерова, т. 1, М., 1914. О Добролюбове, среди других, писал также А. И. Пругавин, известный историк русского сектантства; см. его статьи: «Декадент-сектант» («Русские ведомости», 1912, №№ 282 и 287, 7 и 13 декабря) и «Новая секта» («Речь», 1913, № 3, 4 января). См., кроме того: К. М. Азадовский. Блок и А. М. Добролюбов. В кн.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века», Тарту, 1975, стр. 96—102.

¹⁸ ГЛМ, ф. 99, ед. хр. 119/1—4.

В описи фонда указано, что Клюев получил их от Александра Добролюбова. Однако содержание писем и почерк, которым они написаны, заставляют усомниться в правильности такого предположения. Их автор, скорее всего, — поэт Александр Ширяев, живший в те годы в Чарджие и регулярно переписывавшийся с Клюевым. Ошибка в атрибуции, сделанной со слов Н. И. Архипова, тем не менее очень показательна; она наводит на мысль, что Клюев все же располагал письмами от А. М. Добролюбова. В том же архиве хранится и неопубликованное стихотворение Клюева, посвященное А. Добролюбову («Александр Добролюбов — пречистая свеченька»);¹⁹ судя по содержанию, оно написано в середине 910-х годов. Однако можно утверждать, что имя Добролюбова Клюев знал уже в ранней юности. Дело в том, что свой «уход» Добролюбов начал именно на Севере. Приблизительно полгода (1898—1899) он провел послушником в Соловецком монастыре, где, по-видимому, в то же время (или несколько позже) находился и Клюев, посланный матерью на учебу к «соловецким старцам». Добролюбов усердно собирал в Олонецком крае народные песни и сказания. Он был, в частности, первым, кто записал былины пудожского крестьянина-сказителя Ф. А. Конашкова (в 1898 году). Клюев также интересовался фольклором русского Севера, собирал его и в этом смысле шел по стопам А. Добролюбова. «Хочется, как в жару воды испить, прочитать книгу А. Добролюбова „Из книги невидимой“. Не можете ли снабдить меня и ею», — пишет он Блоку весной 1908 года.²⁰ Наконец, в пользу личного и более раннего знакомства Клюева с А. Добролюбовым говорит тот факт, что уже в годы первой русской революции олонецкий поэт был тесно связан с его сестрами.

В письме из Вытегорской тюрьмы, адресованном ссыльным революционерам, Клюев раскрывает один из петербургских конспиративных адресов (Васильевский остров, Большой пр., д. 27, кв. 7); он предлагает написать по этому адресу Марии Михайловне Добролюбовой и сообщить ей о его аресте.²¹ М. М. Добролюбова (1880—1906) была, подобно старшему брату, личностью незаурядной. Она отличалась редкой красотой. Окончив в 1900 году специальные педагогические классы Смольного женского института, Маша Добролюбова активно включилась в общественную и литературную жизнь Петербурга. В 1901—1902 годах находилась под сильным влиянием брата Александра, посещала Религиозно-философские собрания. В 1904 году добровольно отправилась на русско-японский фронт, где работала сестрой милосердия. Вернувшись в 1905 году в Петербург, М. Добролюбова с головой ушла в революционную работу. Получив место земской учительницы в Богородицком уезде Тульской губернии (в 1906 году), она распространяла среди крестьян прокламации и агитационную литературу. 16 августа 1906 года по распоряжению Тульского губернского жандармского управления против М. М. Добролюбовой было возбуждено уголовное дело. «Произведенным обыском, — сообщал начальник Тульского губернского жандармского управления в Департамент полиции, — в квартире Добролюбовой обнаружено несколько брошюр нелегального содержания...» М. Добролюбова, подчеркивалось в том же донесении, и раньше замечалась «в политической неблагонадежности».²² 2 сентября 1906 года М. М. Добролюбова была «обнаружена на жительстве в СПб. в д. № 27, кв. 11 по Морской улице и <...> подвергнута обыску, причем отобраны № 68 газеты „Революционная Россия“, письма и фотографические карточки».²³ Из Петербургской пересыльной тюрьмы М. Добролюбова была отправлена в Тульскую тюрьму,²⁴ где провела два месяца и была выпущена на свободу 5 ноября 1906 года. 11 декабря 1906 года при загадочных обстоятельствах Мария Добролюбова скоропостижно скончалась. «У многих знавших ее до сих пор сохранился культ этой удивительной святой девушки», — рассказывал позднее А. В. Руманов (в то время — петербургский корреспондент «Русского слова», известный своей близостью к Блоку).²⁵ Сохранился также отзыв самого Блока о М. Добролюбовой, подчеркивающий ее участие в событиях первой русской революции.²⁶

Гораздо теснее, чем с М. М. Добролюбовой, Клюев был связан с ее сестрой Еленой. Е. М. Добролюбова также окончила Смольный институт (в 1900 году), а в 1902 году — специальные педагогические классы того же института.²⁷ Насколько можно судить, Елена Добролюбова была, как и ее старшая сестра, религиозно настроенным человеком; видимо, вслед за Марией, она стала в 1905—1906 годах участницей революционных событий (в 1905 году она проживала, например, по тому са-

¹⁹ Там же, ед. хр. 79.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

²¹ ЦГА КАССР, ф. 19, оп. 2, д. 30/4, л. 36.

²² ЦГАОР, ф. 7, ед. хр. 8201, л. 4.

²³ Там же, л. 5.

²⁴ Там же. См. также: Государственный исторический архив Ленинградской области (далее: ГИАЛО), ф. 254, оп. 1, ед. хр. 12790, л. 5.

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 2, ед. хр. 3, л. 2.

²⁶ А. Блок, Собрание сочинений в восьми томах, т. 7, М.—Л., 1963, стр. 115.

²⁷ ГИАЛО, ф. 2, оп. 1, д. 14026, л. 8.

тому адресу, который Клюев в своем письме в Каргополь указывает как конспиративный).²⁸ Е. М. Добролюбовой посвящено несколько стихотворений молодого Клюева. В архиве Блока хранится первоначальный вариант клюевского стихотворения «Ты все келейнее и строже», озаглавленный «Зимняя сказка». Оно имеет адресата — «Посвящается Елене Добролюбовой».²⁹ (Впоследствии без заглавия и посвящения это стихотворение вошло в сборник «Сосен перезвон»). Как и весь сборник: в целом, оно становится до конца понятным лишь в контексте трагической действительности первых послереволюционных лет. Стихотворения, составившие сборник «Сосен перезвон» (и частично — «Братские песни» и «Лесные были»), создавались, говоря словами критика В. Львова-Рогачевского, «в эпоху казней, расправ и расстрелов 1906—1907 гг.».³⁰ Воспоминания о днях недавней борьбы сочетаются с картинами безрадостного настоящего. Сборник полон скрытых намеков, его образы символичны. Клюев часто прибегает к аллегорическому языку, как бы не договаривает. Для «посвященных», однако, намеки Клюева ясны и понятны — за ними стоят реальные факты, события, люди. Совершенно прозрачно, например, «двухплановое» стихотворение «Есть на свете край обширный», представляющее собой развернутую аллегорию: Россия изображена здесь как прекрасная царевна, томящаяся «в каземате» и ожидающая светлого рыцаря-освободителя.³¹ «Злая непогода», «беспощадная казнь», «в изгнания пути» приобретают в условиях 1907—1911 годов отчетливый и конкретный характер. И если сам Клюев пишет, что «свод тюрьмы, окна решетка — Лишь символ смерти и разлук»,³² то было бы правильной, перефразируя слова поэта, сказать, что именно понятия «смерть», «разлука» и другие, подобные им, символизируют в его ранних стихах эпоху тюрем, ссылок и казней.

Вполне закономерно поэтому, что в стихотворении, обращенном к Е. М. Добролюбовой, появляются «поминальные холсты», «глухие казематы» и сосны, «рыдающие на бору». «Сестра, погибшая в бою», — это, очевидно, Мария Добролюбова. Образ глухой матери, сидящей «за пражей», также имеет реального прототипа — Параскеву Дмитриевну, мать Клюева.³³ Важно и то, что в первоначальной редакции стихотворение завершалось иной концовкой, существенно уточняющей его смысл. Впоследствии, должно быть по цензурным соображениям, поэт заменил ее другой, более расплывчатой. Ср.:

*Окончательная редакция
(1911 год)*

И не поверишь яви зрячей,
Когда торжественно в ночи,
Тебе за боль, за подвиг плача —
Вручатся вечности ключи.³⁴

*Первоначальная редакция
(1908 год)*

И не поверишь яви зрячей,
Когда неузнанно в ночи,
Придут, довольные удачей,
И за тобою палачи.³⁵

Характер отношений Клюева с Е. М. Добролюбовой проясняет также стихотворение «Предчувствие» с посвящением «Е. Д.».³⁶ Написанное «в дни потерь и большого унынья» (видимо, в 1908—1909 годах), оно звучит трагически. Поэт обращается к Елене Добролюбовой не как к возлюбленной, но как к сестре по духу и соратнице по борьбе. Вспоминая о «былом недалеком», когда они вместе, «как вещицы маги, Прозревали миры впереди», поэт оплакивает несбывшиеся надежды и среди стонков «замученных жертв» слышит «предсмертный рыдающий стон» своей подруги. Впрочем, насколько можно судить, знакомство Клюева с Еленой Добролюбовой было непродолжительным и уже в начале 910-х годов окончательно прекратилось. (После Октябрьской революции Е. М. Добролюбова жила во Франции).

²⁸ Там же, л. 10.

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

³⁰ В. Львов-Рогачевский. Поэзия Новой России. Поэты полей и городских окраин. М., 1919, стр. 49.

³¹ Н. К л ю е в. Сосен перезвон. М., 1912, стр. 45—46.

³² Там же, стр. 35.

³³ Это следует, например, из датированного письма Клюева к В. Я. Брюсову (судя по содержанию — ноябрь 1911 года), в котором выразительно описан вечер в его деревенском доме. «И в настоящий вечерний час, когда на всем зарева желтизна, за обледеневшей оконницей треплется под ветром мшистая прадедовская рябина, сидя за пражей, вздыхает глухая мать, — жалуется богу на то, что дочь ее „ушла в Питер“, и захожий старик-ночлежник строгим голосом в который раз заводит рассказ о том, как его сына Осипа „в городе Крамштате в двадцать ружей стрелили“, я простираюсь духом по лицу Матери-России, от зрянских зимовок до железных грохочущих городов» (Государственная библиотека им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ), ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 1).

³⁴ Н. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 49.

³⁵ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

³⁶ Автограф хранится в ИРЛИ, Р. 1, оп. 12, ед. хр. 55.

Помимо Марии и Елены, Клюев был, по всей видимости, знаком и с их младшей сестрой Ириной. И. М. Добролюбова (1890—1971) также окончила Смольный институт (в 1907 году) и, подобно Александру и старшим сестрам, искала выхода в религии. Упоминание о ней содержится в письме Г. В. Еремина, крестьянина-сектанта из Рязанской губернии,³⁷ к Клюеву (письмо не датировано, видимо, начало 1912 года): «Сестра Ира Добролюбова была у меня, жила три недели, а теперь уехала в Самару...»³⁸ В стихах раннего Клюева упоминания о «сестрах» встречаются сравнительно часто (например, «Не проведут ли наши сестры, как зиму, — молодость в тюрьме?»³⁹ и др.). Разумеется, понятие «сестра» (как и понятие «брат») приобретает в интерпретации Клюева обобщенное социально-религиозное значение: «сестры» и «братья» по борьбе и революционному кружку для Клюева одновременно — «сестры» и «братья» в религиозном смысле. В архиве Блока сохранились два стихотворения Клюева, озаглавленные «... брату» (подразумевалось, судя по содержанию, «Казненному брату»)⁴⁰ К «сестре» обращается Клюев и в стихотворении «Отверженной» («... по чувству сестра и подруга По своей отделилась вине Ты от братьев сурового круга»)⁴¹ «Сестра» в ранних стихах Клюева подменяет традиционный поэтический идеал женщины — возлюбленную.⁴² Представляется, однако, что конкретным воплощением этого идеала молодому Клюеву служили образы сестер Добролюбовых.

Видимо, через Добролюбовых Клюев сблизился с поэтом Леонидом Дмитриевичем Семеновым (именно о нем идет речь в приведенном выше письме Клюева к Е. М. Добролюбовой). Л. Д. Семенов-Тянь-Шанский (1880—1917), внук известного географа, был в первое десятилетие XX века фигурой, весьма заметной в столичном литературном мире. Студентом Петербургского университета Семенов начал писать стихи (к этому времени относится его дружба с Блоком). Л. Д. Семенов восторженно приветствовал приближение революции, однако, не имея четкой политической платформы, он, по свидетельству современников, метался между марксистами и социалистами-революционерами. В конце концов он пришел на позиции «левого пародничества» и активно занялся революционной деятельностью. В июле 1906 года он был задержан в Курской губернии и заключен в тюрьму. Л. Д. Семенов обвинялся в том, что «а) 5 декабря 1905 г. в селе Средних Опочках Старооскольского уезда распространял среди сельского населения суждения, возбуждающие к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, убеждал крестьян в необходимости отобрания у помещиков земли, предлагал крестьянам присоединиться к Всероссийскому крестьянскому союзу, б) 29 июня 1906 г. в селе Любимове Рыльского уезда произнес публично речь, в которой призывал своих слушателей-крестьян к борьбе с правительством...»⁴³ В начале декабря 1906 года Семенов был освобожден. Он возвратился в Петербург, где узнал о гибели своей невесты Маши Добролюбовой.⁴⁴

Судя по письму Клюева к Е. М. Добролюбовой, его встреча с Л. Д. Семеновым состоялась в январе—феврале 1907 года (не позже 7 марта, когда Семенов был вновь заключен в Петербургскую пересыльную тюрьму).⁴⁵ На протяжении почти всего 1907 года Семенов стремится действовать на общественном поприще: он пишет и печатает волюнтаристские стихи, поддерживает контакты с революционными народниками (среди них — Н. А. Морозов) и посещает их собрания. Особо следует отметить дружбу Семенова с В. С. Миролюбовым (1860—1939), редактором широко известного в начале века периодического издания «Журнал для всех» (1898—1906). В те годы Миролюбов тяготел к «левому народничеству». Он также принимал участие в революции 1905 года, правда, не как пропагандист и агитатор, но как редак-

³⁷ Григорий Васильевич Еремин проживал в Даньковском уезде Рязанской губернии. В 1908 году он посетил Толстого в Ясной Поляне и затем переписывался с ним (см.: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 79, М., 1955, стр. 114).

³⁸ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39. «В Самару» — т. е. к Александру Добролюбову, который жил в те годы в Самарской губернии.

³⁹ Н. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 52.

⁴⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

⁴¹ Н. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 60.

⁴² Характерно в этом смысле стихотворение «Прогулка» (первая расширенная редакция опубликована в журнале «Трудовой путь», 1908, № 1, стр. 35). В журнальной редакции стихотворение имело подзаголовок: «Посвящается дорогой сестре». Между тем в самом тексте — строки: «Посмотри, моя невеста, на меня в последний раз». Ясно, что оба слова («сестра» и «невеста») употреблены не в своем обычном значении. Речь идет исключительно о духовной и идейной близости: это и делает возможным употребление двух противоречащих друг другу понятий в качестве синонимов.

⁴³ ГИАЛО, ф. 254, оп. 1, д. 12964, л. 2.

⁴⁴ Свое пребывание в тюрьме Л. Семенов описал в повести «Проклятье» («Трудовой путь», 1907, № 3), где не раз упоминается и Маша Добролюбова (названная в повести Серафимой).

⁴⁵ ГИАЛО, ф. 254, оп. 1, д. 12964, л. 6.

тор-издатель. Его «Журнал для всех» публиковал в 1905—1906 годах материалы открыто антиправительственного характера и был в конце концов закрыт цензурой. Однако Миролюбов продолжал его издание (вплоть до 1908 года) под другими названиями («Народная весть», «Трудовой путь», «Наш журнал»). Все эти издания одно за другим подвергались цензурному запрету. Дольше всех существовал «Трудовой путь».⁴⁶ Уже в 5-м номере этого журнала было опубликовано стихотворение Клюева («Холодное, как смерть...») — лишнее свидетельство того, что его встреча с Семеновым (который, скорее всего, и был посредником в знакомстве Клюева с Миролюбовым) состоялась в начале 1907 года. В 1907 году стихи Клюева публиковались в «Трудовом пути» дважды (№№ 5 и 9). Два стихотворения («Прогулка» и «На часах») были опубликованы в № 1 за 1908 год (за подписью «Крестынин Николай Олонецкий»)⁴⁷ Сотрудниками «Трудового пути» были также А. Блок и Л. Семенов.

В самом конце 1907 года Семенов переживает тяжелый нравственный кризис и целиком отдается религии, к которой, впрочем, тяготел и ранее. Он отказывается писать стихи, рвет с «обществом» и, вслед за А. М. Добролюбовым, «уходит в народ». Его местожительством становится деревня Гремячка в Даньковском уезде Рязанской губернии. В эти годы Семенов сближается с Толстым, которого впервые посетил летом 1907 года. Семенов бывал в Ясной Поляне и в 1908 и в 1909 годах (последний раз вместе с Г. В. Ереминым). Толстой был искренне привязан к Семенову и переписывался с ним, называя его «милый Леонид».⁴⁸

Знакомство с Семеновым произвело огромное впечатление на Клюева. Это чувствуется уже по его письму к Е. М. Добролюбовой. Весь период 1907—1911 годов Клюев находится под неослабевающим влиянием Л. Д. Семенова, с которым он регулярно переписывается. О их близости свидетельствует одно из писем Клюева к Блоку (письмо не датировано, скорее всего, 1910 год), в котором олонецкий поэт между прочим замечает: «Хочется Вам сказать, что Ваше недоумение насчет моего барства и моей простоты поверхностно, ложно. Как пример, это известный Вам писатель Леонид Дмитриевич Семенов. Вы, кажется, вместе учились. Он ведь тоже барин потомственный, — а нынче не обращается ко мне «иначе» как к брату и больше чем близок душе моей. Еще, может, Вы не забыли Александра Добролюбова — Ваши стихи о Прекрасной» даме подарены ему Вами с надписями как другу. Он — то же самое. Он во мне и я в них — и духовно мы братья».⁴⁹ Леониду Семенову Клюев посвятил два стихотворения («Помню я обедню раннюю» и «Я говорил тебе о божь»), включенные (но без посвящения) в сборник «Сосен перезвон». Осенью 1911 года Клюев ездил в Рязанскую губернию и некоторое время жил в деревне Гремячка. Там он сблизился с Г. В. Ереминым. В недатированном письме к Есенину (август? 1915 года) Клюев сообщает: «Я бывал в вашей губернии, жил у хлыстов в Даньковском уезде...»⁵⁰ Кроме того, Клюев утверждал (согласно записи, сделанной Н. И. Архиповым), что он «сидел» в Даньковском остроге.⁵¹

Влияние А. Добролюбова и Л. Семенова на Клюева проявилось в том, что, подавленный в годы реакции бесплодностью всех своих усилий, поэт был близок к отказу от творчества. Письма Клюева к Блоку 1909—1910 годов выдают его кризисное душевное состояние. «Не знаю, верно ли, — пишет он в одном из них, — но думаю, что игра словами вредна, хотя и много копошится красивых слов — позывы сказать, но лучше молчать. Бог с ними, со словами-стихами. Буду бороться с ними».⁵² А в письме к Блоку от 5 ноября 1910 года Клюев обосновывает свое стремление к «молчанию» совершенно в духе А. Добролюбова и Л. Семенова, на которых тут же и ссылается. «Бог же и Мировая душа, — пишет Клюев, — не могут быть предметом каких бы то ни было художественных описаний, которые

⁴⁶ Тем не менее почти каждый номер «Трудового пути» вызывал гневную реакцию в С.-Петербургском комитете по делам печати. На отдельные номера накладывался арест. В своем рапорте цензор Соколов отмечал, что «журнал „Трудовой путь“ почти во всех своих статьях проявляет ярко революционное направление и пытается дискредитировать деятельность правительства» (Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (далее: ЦИАЛИ), ф. 776, оп. 9, ед. хр. 836, л. 6). Среди произведений, в которых цензура усмотрела «признаки преступления», было и стихотворение Клюева «Казарма» («Трудовой путь», 1907, № 9).

⁴⁷ Эти четыре стихотворения — лишь незначительная часть того, что было отправлено Клюевым в редакцию «Трудового пути». «Всего я послал Вам 8 писем с 52 стихотворениями», — извещает Клюев Миролюбова уже 15 июня 1907 года (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 2 об.).

⁴⁸ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 78, М., 1956, стр. 9. Подробнее см.: В. А. Сапогов. Лев Толстой и Леонид Семенов (Об одном корреспонденте Л. Н. Толстого). «Ученые записки Костромского педагогического института», вып. 20, филологическая серия, 1970, стр. 111—128.

⁴⁹ ЦИАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

⁵⁰ Опубликовано К. М. Азадовским в статье «Клюев и Есенин в 1915 году (Начало знакомства)» в кн.: Есенин и современность. М., 1975, стр. 240.

⁵¹ ГЛМ, ф. 99, ед. хр. 118.

⁵² ЦИАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

только запутывают, затемняют и порождают ложные мысли о величайшей тайне в мире». И в другом месте того же письма: «Человеческому слову всегда есть предел, молчание же беспредельно». И далее: «... все ложь, что скажется, ибо язык человека — грубый и несовершенный инструмент, пустая бочка с натянута вместо днища свиной кожей, в которую бьют дикари, как в барабан, при своих плясках вокруг костра».⁵³ Впрочем, желание расстаться с поэзией владело Клюевым недолго. Художественный инстинкт взял в нем верх: Клюев начинает активно выступать в печати, а с конца 1911 года — приблизительно в течение года — публикует один за другим четыре поэтических сборника. В недатированном письме к Руманову (судя по содержанию — 1912 года) Клюев иронически замечает: «Рязанцы (т. е. Л. Д. Семенов, Г. В. Еремич и др., — К. А.) так меня, кажется, разлюбят за книжки».⁵⁴ Его контакты с Л. Д. Семеновым с этого времени заметно ослабевают.⁵⁵

3

Знакомство Клюева с В. С. Мироллюбовым имело важные последствия как для олонечного поэта, так и для самого Мироллюбова. По словам современников, Мироллюбов был человеком мягким и отзывчивым. Он охотно поддерживал писателей «из народа», помогал им, печатал их произведения. Мироллюбов быстро завоевал расположение Клюева. Со своей стороны, Мироллюбов высоко оценил талант Клюева и охотно печатал его стихи в журналах, редактором или инициатором которых он являлся («Трудовой путь», позднее «Заветы», «Современник», «Ежемесячный журнал»); в 1907 году Мироллюбов рекомендовал одно из стихотворений Клюева «Русскому богатству».⁵⁶ Своим утверждением в литературе Клюев во многом обязан Мироллюбову.

Однако Мироллюбов открыл не только Клюева-поэта, но и... Клюева-публициста. Эта сторона деятельности олонечного поэта совершенно неизвестна. Между тем в рассматриваемый период Клюев выступал и как автор статей с весьма злободневной тематикой.

В ноябре 1907 года Клюева забирают в солдаты. Сведения об этом содержатся в письме его сестры Клавдии к А. Блоку. К. А. Клюева сообщает (12 января 1908 года), что ее брат находится в Финляндии («г. Выборг, Выборгский крепостной пехотный батальон, 5-я рота») и просит выслать несколько экземпляров «Трудового пути», «в котором пишет Коля».⁵⁷

Поябрь — декабрь 1907 года были для Клюева нелегкими месяцами. Молодой Клюев принципиально не принимал царскую армию как государственный институт, осуществляющий функции насилия и убийства. В этом он опять-таки следовал за А. Добролюбовым и Л. Семеновым, считавшими, что воевать и носить оружие — грех, и убеждавшими крестьян уклоняться от службы в армии.⁵⁸ К этому же, как известно, призывал и Л. Толстой. Теме «солдатчины» посвящено несколько клюевских стихотворений 1907 года. Одно из них, чрезвычайно выразительное, — «Казарма» («Трудовой путь», 1907, № 9). Ему не уступают и два других («Горниста смолк рожок...» и «Ночью дождливою, ночью осеннею»). В изображении Клюева армия — темная («нечистая») сила, преступно подавляющая народ. «Где она ступит, там каплей багровою Кровью останется след на земле». Однако сами солдаты, по Клюеву, не покорная масса, слепо повинующаяся приказу, но готовый к взрыву «динамит».

Горниста смолк рожок... Угрюмые солдаты
На нары твердые ложатся в тесный ряд,
Казарма, как сундук, волшебствами заклятый,
Смолкает, хороня живой дышащий клад.
И сны, вампиры-сны, к людскому изголовью

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 306, л. 1.

⁵⁵ Из недатированного письма Клюева к В. С. Мироллюбову (видимо, 1908 года) явствует, что сомнения в Л. Д. Семенове, в истинности его пути и веры, возникали у олонечного поэта и раньше. «Вот я люблю Леонида, — пишет Клюев, — рвусь к нему, готов бы быть псом у порога его — и оказывается, что это по его вере грех...» Осуждая Семенова за излишний, по его мнению, ригоризм, Клюев уверяет, что его (Семенова) вера «не народна», что она «уничтожает самый предмет веры». Письмо завершается, впрочем, чисто «христианским» аккордом: «Мир, мир ему (Семенову, — К. А.) и улыбка, и зори весны, и цвет яблони, и стук плотничьего топора, и детский крик на лужайке...» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 13 об.).

⁵⁶ См. письмо Клюева к Мироллюбову от 15 июня 1907 года. ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 1.

⁵⁷ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 271.

⁵⁸ Оба были судимы: А. Добролюбов — за антимилитаристскую пропаганду (в 1901 году), а Л. Семенов — за отказ идти в солдаты (в 1911 году).

на крестьянскую грудь, бьется, как голубь, чистое сердце».⁷⁶ Народ — величайшая святыня в мире, а потому угнетение его — величайший грех. И голосом-криком, «полным гнева и неизбывной боли»,⁷⁷ крестьянский автор обличает и проклинает его мучителей.

Эти мысли о народе совпадают — и порой почти дословно — с основными положениями другой статьи Ключева, написанной в том же 1908 году. Статья называется «С родного берега» и рассказывает о жизни и настроениях олонечских крестьян в период спада революционной волны в России.⁷⁸ Ключев написал ее в августе 1908 года и послал (через А. Блока) во Францию В. С. Миролюбову, который в начале марта 1908 года, опасаясь ареста, уехал за границу, где и провел пять лет. Подобно статье «В черные дни», статья «С родного берега» написана в виде письма. К такой форме письма-статьи Ключев, видимо, прибегал в те годы неоднократно. В письме к А. Блоку из Италии 15 декабря 1912 года В. С. Миролюбов, заведовавший тогда литературным отделом журнала «Заветы», пишет: «Дорогой Александр Александрович, напишите Ключеву, что все стихи его пойдут у нас и что было бы хорошо, если бы он мне переписал и вновь послал через Вас ту статью, которая до меня не дошла. Очень прошу его давать нам „Письма из деревни“ в конце хроники».⁷⁹ Трудно утверждать, что, говоря об утраченной статье, Миролюбов имеет в виду именно «С родного берега» — подобных статей в те годы Ключевым было написано несколько (одна из них, по-видимому, называлась «Слово божие к народу»).⁸⁰ Оригинал статьи «С родного берега» утрачен, и опубликована она не была. Текст статьи сохранился лишь в копии, сделанной А. Блоком.⁸¹

В статье-письме «С родного берега» звучат те же самые темы и мотивы, что и в «Письме крестьянина». Говоря о народе, Ключев и здесь называет его «божественным» и само слово «народ» пишет с заглавной буквы. Угнетатели народа — палачи, «распявшие» его («...и восплачут те, кто распял Народ божий...»). Ключев и здесь говорит о духовной чистоте крестьянина, о его стремлении к свободе, не только внешней, но и внутренней. Вся статья «С родного берега», начиная с эпиграфа «Мы убили дьявола» (из драмы Л. Андреева «Царь-Голод»), призвана, по замыслу Ключева, доказать, что в недрах народных кроется неистребимая революционность. Ярко и красочно описаны Ключевым печаль и «затюремщиком», растущий в народе гнев, его презрение к дому Романовых, к самому царю Николаю II.

Обе статьи сходны в стилистически-языковом отношении. Эмоциональная взволнованная речь Ключева — речь пламенного борца-проповедника. В обеих статьях много религиозного пафоса, библейских образов и реминисценций. Бунтарские устремления Ключева, как уже отмечалось, всегда были неотделимы от его исканий «братства». Именно поэтому его страстная мятежная речь местами перерастает в религиозную проповедь. Ключев порою не говорит, а как бы вещает, «пророчествует». Все его наиболее «крамольные» речи — будь то обличительная тирада или предсказание наступающей революции — изложены торжественным, профетически возвышенным языком. Отсюда — и церковно-библейская лексика и образность, которыми особенно насыщена статья «В черные дни» («златоуст», «риза», «киот», «лампадка», «чудотворный», «нерукотворный», «вселенская радость», «крестная жертва», «пречистые раны» и т. д.). С этой точки зрения «Письмо крестьянина» обнаруживает внутреннее и стилистически-языковое единство не только со статьей «С родного берега», но и с некоторыми стихотворениями Ключева того же времени. Приводим одно из них, написанное не позже декабря 1908 года:

Горние звезды как росы.
Кто там в небесном лугу

Точит лазурные косы,
Гнет за дугою дугу?

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Из писем Ключева к Миролюбову ясно, что молодой поэт еще в 1907 году намеревался писать о положении дел в олонечкой деревне. «Напишите, можно ли сообщать Вам про „наши“ местные дела?» — спрашивает он Миролюбова 15 июня 1907 года. Миролюбов же, несомненно заинтересованный в материалах такого рода, не раз напоминал Ключеву о статье. «... Не сердитесь на меня, — пишет Ключев Миролюбову в недатированном письме (видимо, 1908 год), — что я не пишу Вам статьи про деревню, — я знаю, что напишу ее неизбежно, по когда — не знаю» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, лл. 2 об. и 13 об.).

⁷⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 335.

⁸⁰ См. недатированные письма Ключева к Блоку (написанные, если судить по их содержанию, в начале 1909 года). ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

⁸¹ Полный текст статьи Ключева и ее атрибуция даны в публикации: К. Азадовский и И. Олонечкая деревня после первой русской революции (статья Н. А. Ключева «С родного берега»). В кн.: Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. (Русский фольклор, вып. 15). Копия, сделанная Блоком, хранится в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 96).

Месяц, как лилия, нежен,
Тонок, как профиль лица —
Мир неоглядно безбрежен.
Высь глубока без конца.
Слава нетленному чуду,
Перлам, украсившим свод,
Скоро к голодному люду
Пламенный вестник придет.

К зрячим нещадно суровый,
Милостив к падшим в ночи,
Горе кующим оковы,
Взявшим от царства ключи.
Будьте ж душой непреклонны
Вы, кому свет не погас,
Ткут золотые хитоны
Звездные руки для вас.⁸²

Специфический подход Клюева к революции нашел отражение преимущественно в тех его стихотворениях, где речь идет о борце-мятежнике — главном герое его ранней поэзии. Отношение Клюева к революционерам — «заступникам народным» — было благоволенным. Это ощутимо уже в строчках его письма в Каргополь. Обращаясь к неизвестным ему ссыльным революционерам, Клюев пишет: «Преклоняюсь перед вашим страданием. Верю, что вы и в пропастях ссылки останетесь такими же, какими кажетесь мне».⁸³ Борец-мученик — один из основных образов сборника «Сосен перезвон». Отдельные стихотворения книги (написанные, возможно, позднее — в 1910—1911 годах)⁸⁴ рассказывают о том, как героя ведут на казнь («Под вечер», «На пороге жизни», «Мученик», «Завещание»). Герой других стихотворений — узник, томящийся в «каменной келье» («Прогулка», «Бегство», «Есть на свете край обширный»)⁸⁵ Расправа с русскими революционерами в 1907—1909 годах, массовые репрессии и казни отождествляются Клюевым с гонениями на первых христиан. Суд — «князей синедрон» — приговаривает героя к казни, и он идет на Голгофу со стойкостью легендарного христианского мученика. Его «рук пробитых гвозди» — свидетельство того, что он пожертвовал собой ради счастья других. В этом — смысл «голгофского сознания» Клюева, которое неверно рассматривать исключительно в религиозном ключе. Бессмертие, по Клюеву, даруется только мятежному духу, дорога в рай лежит через подвиг и распятие. Пафос боренья пронизывает раннюю поэзию Клюева в той же мере, как и пафос мученичества.⁸⁶ Выразительно, например, отношение Клюева к «жертвою павшим». Он часто вспоминает о них, скорбит о всех «угасших в сырых казематах, Неоплаканных, юных, святых».⁸⁷ Однако его стихи о них, как правило, превращаются в заупокойные молитвы. С любовью и в то же время молитвенно-благоговейно пишет Клюев о погибшем борце в одном из стихотворений, первоначально озаглавленном «... брату». Вдвое сокращенное, оно было впоследствии напечатано самим Клюевым в сборнике «Братские песни» («Осенюх могильною иконкой»). В нем утверждается, что народ чтит память революционера религиозно — подобно тому, как он поклоняется своим святым («В глубине народной забытым Ты живешь, кровавый и святой...»)⁸⁸ Примеры подобного рода можно значительно умножить. На эту существенную особенность клюевской поэзии первым указал В. Львов-Рогачевский. Критик подчеркивал, что Клюев облакает свою революционную поэзию в «лучезарные облачения», что он «переплетает революционное с религиозным <...> сливает Голгофу с эшафотом, мученичество с мятежом».⁸⁹

Аналогичный взгляд на революционеров излагается и в обеих статьях 1908 года. Борец — это тот, кто «в величавой простоте и искренности идет на распятие». Повторяется и мысль о том, что народ почитает своих защитников, как святых. «Народ, — пишет автор статьи «В черные дни», — знает цену крови <...> и святит имя тех, кто пострадал...»; народ относится к ним как «к далеким, незаменимым, но бесконечно дорогим людям...»⁹⁰ В статье «С родного берега» также

⁸² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

⁸³ ЦГА КАССР, ф. 19, оп. 2, д. 30/4, л. 37.

⁸⁴ Датировка ранних стихотворений Клюева, как правило, сложна и требует в ряде случаев специального исследования.

⁸⁵ В этих стихотворениях, несомненно, запечатлен и личный опыт самого Клюева. Посылая Блоку свое стихотворение «Сегодня небо как невеста» (первоначально заглавие «Последний день»; в сборник «Сосен перезвон» вошло под заголовком «На пороге жизни»), Клюев делает к нему следующую приписку: «Я все не могу отделаться от тюремных кошмаров, как-то невольно пишется все больше о них» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39).

⁸⁶ Е. П. Никитина, анализируя раннюю поэзию Клюева, полностью игнорирует ее бунтарское содержание. «Идеологический же пафос его (Клюева, — К. А.) поэзии исключительно религиозно-мистический» (Е. П. Никитина. Русская поэзия на рубеже двух эпох. Изд. Саратовского университета, 1970, стр. 88).

⁸⁷ Строки из неопубликованного стихотворения Клюева «Все напевней и благодней звоны» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39).

⁸⁸ Н. Клюев. Братские песни. Книга вторая. М., 1912, стр. 6.

⁸⁹ В. Львов-Рогачевский. Поэзия Новой России, стр. 62.

⁹⁰ «Наш журнал», 1908, № 1, стр. 63.

говорится о «слезном участии», которое проявляют крестьяне по отношению к революционерам.⁹¹

В завершение следует отметить несколько слов и выражений, встречающихся в статье «В черные дни», — характерно «клюевских». Так, обращает на себя внимание эпитет «строительный» («строительная жертва») ⁹² — излюбленное слово молодого поэта, приблизительно означающее (в употреблении Клюева) «творческий», «созидательный». В письме Клюева к Блоку (октябрь 1907 года) сказано: «Так много вмещает грудь строительных начал, так ярко чувствуется великое окрыление!..» ⁹³ То же самое слово встречается и в недатированном письме Клюева к Брюсову (видимо, ноябрь 1911 года): «...первые слабые и неискусные удары моего долота коснулись Вашего слуха, и как бы на дикой гранитной глыбе видели Вы след строительных усилий моих».⁹⁴ Красноречиво и употребленное в статье евангельское выражение «напоить желчью и оцетом» ⁹⁵ — слово «оцет» Клюев использует и в других случаях. (Ср. «В осиновых терпких почках Есть оцет халдейского зноя».)⁹⁶ Закономерен также для Клюева образ грядущего как колосющейся нивы.⁹⁷ Его можно найти, например, в стихотворении «Жнецы, открываюшем сборник «Сосен перезвон» («Он придет нерукотворный Век колосьев золотых».)⁹⁸ И, наконец, в статье явно выделяется фраза, выдержанная в духе народного присловья: «Не в ризе учитель — народу шут, себе — поношение, идее — пагубник, и что дальше пойдет, то больше сворует».⁹⁹ Эта стилизация также подтверждает авторство Клюева, который, начиная приблизительно с 1908 года, стремится говорить не только от имени народа, но и «голосом народа». С этой целью Клюев вводит в свою речь простонародную лексику, использует фольклор, порой даже целиком переходит на олонечкий говор. Подтверждение этому — статья «С родного берега», где данный прием не случаен, а возведен в принцип.

Все это в совокупности доказывает, что автором статьи «В черные дни (Из письма крестьянина)» был не кто иной, как Н. А. Клюев. Его публицистические выступления имели несомненный общественный смысл. В условиях наступившей реакции, или, говоря словами Клюева, «в страшное время борьбы, когда все силы преисподней ополчились против народной правды»,¹⁰⁰ подобные письма-статьи опровергали измышления официальной прессы о «переволночении» русского народа, о его покорности и любви к самодержавию. Они свидетельствовали о истинном положении дел «на местах», были гимном «священному стягу свободы» ¹⁰¹ и, не скрывая жертв и поражения в настоящем, вселили надежду на победу в будущем.

4

1908 год — апогей радикально «левых» устремлений Клюева. Яркими свидетельствами настроений поэта в то время служат не только его статьи «В черные дни» и «С родного берега», но также несколько стихотворений, разумеется, не попавших в печать. Ненависть Клюева к русскому самодержавию проявляется особенно откровенно в стихотворении «Победителям», написанном, по всей видимости, в том же 1908 году. Оно, как явствует уже из заголовка, адресовано тем, кто задушил русскую революцию, и по направленности своей перекликается с эпиграфом к статье «С родного берега».

Свое вы счастье проклянете,
Покорны станете судьбе
И в смерти нашей обретете
Погибель скорую себе.
Вы разрываете одежды,
Клянётесь небом и землей,
Но не отнимите надежды
На час расплаты роковой.
Мы вас уьем и трупы сложим
В пирамидальные костры,

Заклятье вечное наложим
На истребленные шатры.
Чтобы о памяти убитых
Прошла зловещая молва,
И на могилах позабытых
Шумела сорная трава,
Гнездились ящеры и гады
В ущельях выветренных скал
И свет молитвенной лампады
Пустынный храм не озарял.¹⁰²

⁹¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 96, л. 11.

⁹² «Наш журнал», 1908, № 1, стр. 63.

⁹³ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

⁹⁴ ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 1.

⁹⁵ «Наш журнал», 1908, № 1, стр. 63.

⁹⁶ Н. К л ю е в. Львиный хлеб. М., 1922, стр. 97.

⁹⁷ «Наш журнал», 1908, № 1, стр. 62—63.

⁹⁸ Н. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 15.

⁹⁹ «Наш журнал», 1908, № 1, стр. 63.

¹⁰⁰ Там же, стр. 62.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49.

Приблизительно с 1909 года творчество Клюева претерпевает некоторые изменения. Ощущение тоски, усталости овладевает поэтом, и он все откровеннее предается своему религиозному чувству. В 1909 году московский либеральный журнал «Бодрое слово» опубликовал стихотворение Клюева «Прельщение», в котором дана аллегорическая картина застоя и упадка, наступивших в послереволюционную пору.

Прельщенная душа, — она уж не жалеет,
Что злая тишина смежила крылья бурь,
Что камни берегов обломками покрыты
Погибшего в борьбе родного корабля,
Отважные пловцы безжалостно убиты,
И ржавеют на дне Надежды якоря.¹⁰³

В эти годы Клюев много странствует по северной России, посещает монастыри, устанавливает связи в среде сектантов. Именно на этот период приходится и тот сильный кризис, который чуть было не привел поэта к отказу от поэтического творчества. Все настойчивей овладевают Клюевым — особенно в 1910—1911 годах — идеи мученичества, «Голгофы». Эти настроения молодого Клюева привели его в конце концов к «голгофским христианам», а его поэзию — к «братским песням» (см. ниже). Ненависть к «победителям», прорывающаяся в отдельных стихотворениях молодого Клюева, сменяется в «Братских песнях» христианским всепрощением («Мы убийц своих приветим Целованием святым...»).¹⁰⁴

Однако даже в эти трудные годы Клюев остается приверженцем «народного дела» и притом — не только в поэзии. Странствуя по монастырям, он беседует с верующими о положении дел в деревне, о крестьянской жизни и т. д. Об этом говорит он в одном из своих писем к Блоку (письмо не датировано; написано, по-видимому, в начале 1909 года): «...если я и писал Вам, что пойду по монастырям, то это не значит, что я бегу от жизни. По монастырям мы ходим потому, что это самые удобные места: народ „со многих губерний“ живет праздно несколько дней, времени довольно, чтобы прочитать, к примеру, „Слово божие к народу“ и еще кой-что „нужное“ (курсив мой, — К. А.). Вот я и хожу, и желающим не отказываю, потому удобно и сильно, и свято неотразимо».¹⁰⁵ Нарастание религиозных настроений не приводит Клюева к забвению вольнолюбивых идеалов. «Прельщение» для него — величайший грех, измена. Ему ненавистна и «тишина» — символ безвременья, послереволюционного затишья. («Не надо тишины, она для нас смертельна»).¹⁰⁶ В финале стихотворения «Прельщение» раздается «звон победной стали» — мажорный заключительный аккорд.¹⁰⁷

И даже в 1913 году, оглядываясь на пройденный путь, Клюев вспоминал о революции 1905 года как о самом ярком переживании своей молодости.

Помнишь прошлое, товарищ,
Воли солнечные дни.
Красным золотом пожарищ
В жизнь записаны они.¹⁰⁸

Все приведенные выше высказывания и стихи Клюева свидетельствуют о том, что настроенный бунтарски молодой олонецкий поэт и в годы реакции продолжал выступать от имени «народа», который, как уже отмечалось, был для него синонимом «божества». И все же говорить о «народности» Клюева, как и о его «революционности», невозможно без существенных оговорок. Повторяя ошибку русских народников, Клюев ставил знак равенства между понятиями «народ» и «крестьянство». «Народ» для Клюева — это те, кто живут «естественной» жизнью в единстве с природой и «матерью-землей», т. е. крестьяне. Собирательным образом «народа» в раннем творчестве Клюева выступают его «жнецы» и «пахари». Крестьяни для Клюева — «работник господина свободный На ниве жизни и труда».¹⁰⁹ Его «жнецы»

¹⁰³ «Бодрое слово», 1909, № 17, сентябрь, стр. 23.

¹⁰⁴ Н. К л ю е в. Братские песни, стр. 62.

¹⁰⁵ ЦГАЛН, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39. В том же письме Клюев делает знаменательное признание о своем неприятии официальной церкви. «Я не считаю себя православным, да и никем не считаю, ненавижу казенного бога, пещь Ваалову — церковь, идолопоклонство „слепых“, людоедство верующих...».

¹⁰⁶ «Бодрое слово», 1909, № 17, сентябрь, стр. 22.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ «Хмель», 1913, №№ 7—9, стр. 2.

¹⁰⁹ Н. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 44.

и «пахари» органично связаны с природой, едины с ней. «Мы — валуны, седые кедры, Лесных ключей и сосен звон».¹¹⁰ Понятия «народ» и «природа» для Клюева однозначны. (Можно утверждать, что мирозерцание молодого Клюева основывается на триединстве: «бог — парод — природа»). О своей причастности к «народу» Клюев заявляет, как правило, употребляя множественное число — «мы». Например: «Мы — жнецы вселенской нивы» («Жнецы»).¹¹¹ Или: «Мы — предутренние тучи, зори росные весны» («Голос из народа»).¹¹² Угнетенный и «распинаемый» ныне, крестьянин для Клюева — человек будущего. Настанет день, утверждает Клюев, и пахарь-народ уничтожит своих обидчиков, как «терп пегодный».¹¹³ Освободившись из-под власти «сытых», он станет создателем духовных ценностей. Клюев верил в его будущее и боролся за него.

Однако, отождествляя «народ» и «крестьянство», Клюев тем самым игнорировал социальное расслоение русского общества, вполне очевидное в начале XX века. Он, прежде всего, недооценивал роль пролетариата, к которому, впрочем, относился двойственно. С одной стороны, Клюев сочувствовал рабочим как своим угнетенным братьям («На заводском промысле Жизнь не дорога»).¹¹⁴ Но, с другой стороны, рабочий для Клюева был существенным элементом той фабрично-заводской «городской» цивилизации, которую поэт неизменно и последовательно отвергал. Рассуждая в толстовском духе, Клюев перекладывал всю ответственность за разрыв естественных связей в мире на цивилизацию. Опираясь на разум, данный ему свыше, человек попытался утвердить свою власть над природой или, говоря словами Клюева, вознамерился похитить «венец создателя».¹¹⁵ Человек противопоставил живой природе бездушную «машину». (В более поздней поэзии Клюева эта антиномия обычно предстает как противопоставление «березки» и «железа»). «...Бежать больше некуда, — жалуется Клюев Брюсову. — В пуще пыхит лесопилка, в ущельях поет телеграфная проволока и лулеет зеленый глаз семафора».¹¹⁶ «Город», точнее фабрично-заводской уклад жизни, и служил для Клюева воплощением этой «противоестественной» формы бытия. Люди, живущие в городе, с точки зрения Клюева, — «грешники», так как они максимально удалены от «земли» и первоначально «невинной» природы. «... В земле только наше бессмертие», — писал Клюев литератору С. А. Гарину.¹¹⁷ Охотно (и подчас весьма наивно) Клюев приписывает «городу» всевозможные пороки. И вот основной логический вывод Клюева — город должен быть уничтожен.

Эта мысль, проскальзывающая и в отдельных стихотворениях сборника «Сосен перезвон», со всей определенностью изложена Клюевым в его прозаическом эссе «Пленники города». Картина счастливого будущего, которую набрасывает в нем Клюев, — это и есть его «крестьянская» программа, воплощенная в жизнь: город — «каменная тюрьма» — более не существует, на его месте колосится рожь. «Прошли тысячелетия. Наши поля благоуханны и росны, и межи выются как прежде. Ты помнишь? Здесь было то, что люди звали Городом. Межи — как зеленые омыфоры. На счастливые пашни слетают с небес большие белые птицы: быть урожаю. Колосья полны медом, и братья серафимы обходят людские кущи. И, приветствуя друг друга лобзаньем, жнецы выходят на вселенскую ниву».¹¹⁸

Нельзя не заметить, что в критике города, которую вел Клюев, было и немало справедливого — ведь в ее основе лежало неприятие капиталистической формы труда, обезличивающей человека. Поэт различал контрасты современного ему города. Например, в 1908 году он пишет Блоку о городе, «где идешь, и все мимолетно, где глухо и преступно, где господином чувствует себя только богач, а несчастных, просящих хлеба, никому не жаль...»¹¹⁹ Однако свой поход против «города» Клюев предпринимал с отсталых позиций патриархального русского крестьянства. Не изменить формы и условия труда, а «подменить» город деревней — вот к чему сводились устремления Клюева. Реальным завершением «народной революции», за которую боролся и ратовал поэт, могло бы оказаться лишь мужицкое царство, где главная роль отведена крестьянину-пахарю. Это, бесспорно, наиболее уязвимое место в системе взглядов молодого Клюева.

¹¹⁰ П. К л ю е в. Сосен перезвон. Издание второе. М., 1913, стр. 70.

¹¹¹ П. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 15.

¹¹² Там же, стр. 41.

¹¹³ Там же, стр. 44.

¹¹⁴ П. К л ю е в. Братские песни, стр. 30.

¹¹⁵ П. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 32.

¹¹⁶ Недатированное письмо (ноябрь 1911 года). ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 1.

¹¹⁷ Недатированное письмо (1913 год). ЦГАЛИ, ф. 146, оп. 1, ед. хр. 38, л. 4.

¹¹⁸ П. К л ю е в. Старое и новое. I. Пленники города. «Новая земля», 1911, № 22, стр. 10.

¹¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

5

К числу важнейших событий в биографии Клюева 1907—1912 годов надлежит отнести его знакомство с Блоком и — позднее — с Брюсовым. Связи Клюева с этими писателями помогли ему обрести свой собственный поэтический голос. И Блок и Брюсов покровительствовали Клюеву, содействовали ему в издании сборника «Сосен перезвон» и, в конечном итоге, обеспечили молодому и совсем неизвестному тогда олонечному поэту вступление в «большую» русскую литературу.

Уже первым своим письмом к Блоку (октябрь 1907 года) Клюев обратил на себя внимание петербургского поэта. Письмо было написано под свежим впечатлением от книги Блока «Нечаянная радость». В этом письме Клюев не назвал Блоку их общих знакомых (Л. Д. Семенов, В. С. Миролубов) — он, наверняка, предполагал, что его имя уже известно Блоку, близко стоявшему в те годы к кругу «левых пародников». Тем более что за несколько месяцев до обращения Клюева к Блоку на страницах журнала «Трудовой путь» произошла первая встреча поэтов: в № 5 на стр. 24 были рядом напечатаны стихотворения Блока («В час глухой разлуки с морем») и Клюева («Холодное как смерть...»). Отношения, установившиеся в 1907 году, продолжались вплоть до самой смерти Блока, который, как известно, проявлял к Клюеву, особенно в начале их знакомства, повышенный интерес. Олонечкий поэт персонифицировал для него ту самую сектантскую, т. е. религиозно-патриархальную и вместе с тем бунтующую, «протестантскую» Россию, к которой Блок в те годы настойчиво тянулся. Упоминаниями о Клюеве полны дневники и записные книжки Блока 1907—1912 годов. Блок по возможности помогал молодому крестьянскому поэту. Он регулярно посылал ему свои собственные книги и произведения других авторов. «Тяжело утруждать Вас, — пишет ему Клюев, — по приходится просить еще о книгах поэзии — Брюсова, Бальмонта, Надсона, А. Белого, Сологуба, „Иней“ Соловьевой, Тютчева...» (приписка на листе со стихотворением «Под осенней луной»).¹²⁰ В письме к Блоку от 22 января 1910 года Клюев повторяет: «...не огорчитесь моей старой просьбой о книгах — стихов — Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Гишпиус, какие Вам не трудно».¹²¹ Блок оказался именно тем человеком, который (наряду с Миролубовым) ввел Клюева в литературу. По рекомендации Блока стихи Клюева были напечатаны в журналах «Бодрое слово» и «Золотое руно», в популярном издании «Чтец-декламатор». Блок пытался связать Клюева с известными журналами тех лет (например, с «Русской мыслью»). Отрывки из писем Клюева Блок цитировал в своих статьях 1907—1908 годов. Благодаря Блоку Клюев расширил круг своих петербургских знакомых (Е. П. Иванов, А. В. Руманов).

Клюев, со своей стороны, всячески тянулся к Блоку, как начинающий поэт к старшему и уже признанному поэту. Он посылал ему свои стихотворные опыты и пользовался его советами и указаниями. К стихотворению «Под осенней луной» Клюев делает вторую приписку: «Я стараюсь следовать Вашему совету писать короче и не повторяться в одном стихе — заметно ли это в моих стихах?»¹²² Клюев многого не принимал в поэзии Блока, но признавал, что его стихи, «в особенности же — „тишина“ их, какие-то жаворонковые трепеты, переживанья мгновенные — общелюдски, присущи каждому сердцу».¹²³

Однако временами тон клюевских писем к Блоку становится снисходительным, высокомерным и даже — обличительным. Дело в том, что Клюев, считая себя самого человеком «из народа», т. е. представителем наиболее здоровой, с его точки зрения, части общества, любил подчеркивать «неполноценность» своих «интеллигентных» адресатов.

Противопоставляя «город» «деревне», Клюев резко разграничивал также народную культуру и культуру «образованных» слоев. Народ, его naive мирозерцание, его вера в чудеса и сказки Клюеву бесконечно дороже, чем «рассудочное» знание «ученых» людей. (Программным в этом смысле может считаться его стихотворение «На песню, на сказку рассудок молчит».)¹²⁴ Возвешивание народа сочетается в поэзии Клюева с резкими выпадами в адрес цивилизованных кругов. Особенно четко дистанция «народ — интеллигенция» выражена в стихотворении, обращенном к Бальмонту.¹²⁵ Культура, представителем которой выступает Бальмонт,

¹²⁰ Там же. Стихотворение «Под осенней луной» не опубликовано.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Н. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 21.

¹²⁵ Н. К л ю е в. Сосен перезвон. Второе издание. М., 1913, стр. 69—70. Это единственное стихотворение, отсутствующее в первом издании сборника «Сосен перезвон» в сравнении со вторым изданием. Видимо, Клюев сознательно ввел его во вторую редакцию книги, чтобы лишний раз подчеркнуть свою позицию (к 1913 году она стала еще более определенной).

для Клюева уже не существует: она иссякла и выдохлась. (Ср. в стихотворении «Голос из народа»: «Вы — отгул глухой, гремучей, Обессилевшей волны»¹²⁶).

Эта позиция Клюева проявилась и в его письмах, причем даже к тем людям, которых оп в остальном искренне и глубоко уважал. «Люди Вашего круга», обращается Клюев к Миролюбову в письме «С родного берега», неспособны понять «нас»¹²⁷. Общаясь с Блоком, Клюев также порой противопоставляет ему себя (что, впрочем, со своей стороны делал и Блок, мучительно переживавший свое «барство»). Подчас создается впечатление, что Клюев просвещает или наставляет своего адресата. «Понимаю, что наружная жизнь Ваша несправедлива, но не презираю, а скорее жалею Вас», — пишет оп Блоку 22 января 1910 года.¹²⁸ В таком же духе выдержано почти все второе письмо Клюева к Блоку (октябрь 1907 года), которое Блок в отрывках цитирует в своей статье «Литературные итоги 1907 года».¹²⁹

Летом 1911 года Клюев обращается к Блоку с вопросом, издавать ли ему отдельным сборником свои стихи. «Дорогой Александр Александрович, я в настоящее время нахожусь в Москве, здесь мне предлагаю издать мои стихи, которые лучше (...) Спрашиваю у Вас совета. Мне почему-то пемного тревожно, по меня уверяют, что книжка моих стихов в настоящий момент нужна и найдет много читателей. Также сулят написать о пей в двух-трех газетах... Если Вы посоветуете, то я желаю в духе своем посвятить книгу Вам — „Нечаянной радости“ и прошу Вас написать хотя бы маленькое предисловие».¹³⁰ Блок, по всей видимости, высказался за издание книги, хотя предисловия к ней писать не стал. В конце 1911 года сборник «Сосен перезвон» был выпущен в свет московским книгоиздательством «Знаменский и К°».¹³¹ (Год издания на титульном листе стоял 1912-й). Названием сборника Клюев, видимо, был обязан одной строке из стихотворения Вяч. Иванова «Эпюд» — «По бору сосен перезвон и переклик...» (стихотворение это входило в книгу Вяч. Иванова «Прозрачность», которую Клюев получал от Блока весной 1909 года). Сборник был посвящен А. Блоку (а в нем — стихотворения: «Верить ли песням твоим» и «Я болен сладостным недугом»). Один из первых экземпляров своей книги Клюев послал Блоку с надписью «Александру Александровичу Блоку в знак любви и чаяния — братства. Андома. Ноябрь. 1911 г.»¹³² Впрочем, появление книги не доставило Клюеву особой радости. «Сейчас получил „Сосен перезвон“ — свою книжку, изуродованную, с перепутанными стихами, с не моими заглавиями, с множеством опечаток и вдобавок с недочеткой многих не поправившихся издателю стихов», — жалуется он Блоку (30 ноября 1911 года).¹³³ В тот же день Клюев посылает открытку Брюсову, где почти в тех же словах выражает свое отношение к сборнику.¹³⁴

Именно Брюсов, с которым Клюев к этому времени был уже знаком лично, написал предисловие к сборнику. Каким образом перекрестились пути Клюева и Брюсова? Можно предположить, что решающую роль в этом сыграли взаимоотношения Клюева с семейством Добролюбовых, причем наиболее существенным соединительным звеном была, бесспорно, личность самого Александра Добролюбова. Важное значение для сближения обоих поэтов, хотя и кратковременного, имело, кроме того, деятельное сотрудничество Клюева в журнале «Новая земля».

Инициатором и организатором этого издания был И. П. Брихничев, бывший священник, расстриженный за склонность к сектанству, писатель-популяризатор. Обосновавшись в Москве, Брихничев принялся за организацию «Новой земли». Первый номер журнала вышел 13 сентября 1910 года: его редактором в 1910—1911 годах значился публицист А. П. Готфрид. Журнал «Новая земля» был призван отставать «голгофское христианство» — утопическое религиозно-социальное учение, вызванное к жизни той общественной и духовной ситуацией, которая сложилась в России в годы реакции. Конечной целью «голгофского христианства» провозглашалась «новая земля» — царство счастливого будущего, якобы ожидающее христиан-тружеников. Путь к «новой земле» лежал, согласно Брихничеву и другим зачинателям этого движения, через религиозное обновленчество русского народа, а журнал должен был стать «самым серьезным и доступным органом грядущей реформации»,

¹²⁶ Н. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 41. Впервые опубликованное в журнале «Новая земля» (1911, № 9, стр. 12), это стихотворение носило характерный подзаголовок: «Посвящается русской интеллигенции».

¹²⁷ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 96, л. 1.

¹²⁸ Там же, оп. 2, ед. хр. 39.

¹²⁹ А. Б л о к. Собрание сочинений в восьми томах, т. 5, стр. 213—214.

¹³⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

¹³¹ Книга сразу же обратила на себя внимание. В конце 1911—начале 1912 года в русской периодической печати появляются один за другим одобрительные и даже восторженные отклики на сборник «Сосен перезвон». Среди рецензентов первой книги Клюева были С. Городецкий, Н. Гумилев, В. Львов-Рогачевский и др.

¹³² Библиотека Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

¹³³ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

¹³⁴ ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 4.

как писал Брехничев известному профессору-экономисту И. Х. Озерову.¹³⁵ Программа этого движения с достаточной полнотой раскрывается в статьях литератора В. Свендицкого, одного из главных идеологов «Новой земли». «Надо прежде всего создать религиозно-общественное движение... — писал Свендицкий. — Идеи о новой земле, о земном Христе, об общественном христианстве, о царстве божием не только на „небеси“, но и на „земли“ — идеи Голгофского христианства...»¹³⁶ «Голгофа начинается только там, где начинается „за других“ <...> Крест — символ не траурной религии и страдания, а победной религии воскресения», — уточнял другой автор «Новой земли», писавший под псевдонимом «Далекий друг».¹³⁷ Самопожертвование, мученичество, одним словом, «Голгофа» утверждались в новом христианстве как завершающий и высший этап борьбы «за других». «Мы с радостью берем венец терновый, с радостью, как мученики Колизея, идем на арену жизни — идем завоевывать свободу, искушение, бессмертие...» — писал В. Свендицкий в предисловии к сборнику «Братские песни».¹³⁸ Некоторые статьи и материалы, печатавшиеся в «Новой земле», имели антиправительственную окраску. Не случайно, начиная с конца 1910 года цензура неоднократно налагала запрет на отдельные номера журнала.¹³⁹ В круг основных сотрудников «Новой земли», помимо Брехничева, входили известные своими общественными выступлениями русские священники Григорий Петров (член Второй государственной думы, лишенный сана в 1908 году) и епископ Михаил. В журнале печатались стихи А. Блока и В. Брюсова. Публиковался в «Новой земле» и А. Добролюбов.¹⁴⁰

Объединяя вокруг журнала своих — весьма немногочисленных — единомышленников, редакция «Новой земли» наивно рассчитывала на быстрое распространение идей «голгофского христианства» в русском обществе. «На днях заинтересовался журналом Максим Горький. Есть надежда, что соберется целая армия», — писал Брехничев И. Х. Озерову.¹⁴¹

Совершенно очевидно, что религиозно-социальная доктрина «общественного христианства» во многом совпадала с теми взглядами Клюева, которые молодой поэт вынашивал уже в первые послереволюционные годы. Не вызывает поэтому удивления быстрое сближение олонепского поэта с кругом «Новой земли», прежде всего — с Брехничевым. Знакомство их завязалось, видимо, уже после организации журнала. В течение двух первых месяцев существования «Новой земли» имя Клюева не встречается на страницах журнала ни разу. Можно предполагать, что Клюев, связанный с сектантской средой, где прежде всего находило резонанс учение о «новом христианстве», сам обратился в редакцию идейно близкого ему журнала. В № 13 «Новой земли» (декабрь 1910 года) впервые появляется стихотворение Клюева «Под вечер» («Я надею черную рубаху»), написанное на «голгофскую» тему («По камням двора пройду на плаху» и т. д.).¹⁴² Следующее выступление Клюева в «Новой земле» — стихотворение «Жнецы», напечатанное в первом номере журнала за 1911 год. Приблизительно с № 8 за 1911 год участие Клюева в органе «голгофских христиан» становится систематическим: его стихи (или проза) печатаются в каждом номере журнала (вплоть до его закрытия цензурой в октябре 1911 года). В «Новой земле» были опубликованы, в частности, такие чисто «голгофские» стихотворения Клюева, как «Мученик» или «Завещание» (под этими же заглавиями они вошли и в «Сосен перезвон»). Можно допустить, что их возникновение относится к 1910—1911 годам, когда Клюев знакомится с идеями «голгофских христиан» и на какое-то время увлекается ими.

Именно в 1911 году происходит сближение Клюева с Брехничевым, который становится страстным почитателем олонепского поэта. «После Христа я никого так не любил, как Клюева», — признается Брехничев в своем недатированном письме к Брюсову (штемпель — 29 декабря 1912 года).¹⁴³ В одном из номеров «Новой земли» Брехничев публикует стихотворение, посвященное Клюеву, с характерными строками: «Нам — прошедшим чрез горнила Всех страстей и всех распятий...»¹⁴⁴

¹³⁵ ГПБ, ф. 541, оп. 1, ед. хр. 220. Письмо без даты.

¹³⁶ В. Свендицкий. Наши ближайшие задачи. «Новая земля», 1911, № 2, стр. 2.

¹³⁷ Далекий друг. Письма одинокого человека. Голгофа. «Новая земля», 1910, № 7, стр. 9—11.

¹³⁸ Н. Клюев. Братские песни, стр. XIV.

¹³⁹ См. дела Московского цензурного комитета о журнале «Новая земля». Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 31, оп. 3, ед. хр. 1248, 1408, 1413, 1420, 1538 и др.

¹⁴⁰ «Новая земля», 1911, № 7, стр. 15.

¹⁴¹ ГПБ, ф. 541, оп. 1, ед. хр. 443.

¹⁴² «Новая земля», 1910, № 13, стр. 5. Вошло в сб. «Сосен перезвон» (стр. 54—55).

¹⁴³ ГБЛ, ф. 386, карт. 78, ед. хр. 18, л. 5.

¹⁴⁴ «Новая земля», 1911, № 21, стр. 3.

С января 1912 года издание «Новой земли» возобновляется; и вновь Клюев — неизменный участник каждого номера. Именно в «Новой земле» Клюев опубликовал в 1911—1912 годах значительную часть своих стихотворений, составивших сборники «Сосен перезвон» и «Братские песни».

Пропагандируя поэзию Клюева на страницах «Новой земли»,¹⁴⁵ Брихничев, сверх того, всячески содействовал поэту в издании его первых сборников. По этому поводу Брихничев обращался к Брюсову. «О Клюеве. Это простой крестьянин. Страшно нуждается. Как было бы хорошо, если бы можно было издать его сборник стихов — нельзя ли что-нибудь сделать в этом отношении?»¹⁴⁶ Когда летом 1911 года Клюев приехал в Москву, Брихничев рекомендовал его московскому книгоиздателю В. И. Знаменскому, сочувственно относившемуся к начинаниям «Новой земли». Вероятно, Брихничев явился и инициатором встречи Клюева с Брюсовым, состоявшейся в августе. Подтверждением этой встречи служит, в частности, письмо И. М. Брюсовой к Н. Я. Брюсовой, сестре поэта. Письмо датировано 22—24 августа; запись, относящаяся к Клюеву, помечена 22 августа, но в дальнейшем тексте исправлена самой И. М. Брюсовой на 23 августа. «Сейчас я осталась одна, — пишет И. М. Брюсова. — День был шумный какой-то. Утром Броня¹⁴⁷ собиралась уезжать, укладывалась; к обеду был у нас Клюев, после обеда Валя¹⁴⁸ ушел. Клюев» остался, говорили с ним о Добролюбовых; затем пришла мама, пили чай, говорили все вместе. Затем Клюеву я дала Бальмонта читать <...> пришел какой-то юноша из учеников Белого, говорили о теории Белого, о стихах вообще. Затем ушел юноша, Валя и, наконец, Клюев. Он мне понравился своей простотой и безыскусственностью».¹⁴⁹

Свидание с Брюсовым (как свидетельствует письмо Клюева к нему, написанное в самом конце ноября 1911 года) произвело на олонецкого поэта огромное впечатление. Из письма видно, что Клюев поделился с Брюсовым своими сомнениями о тщетности поэтического творчества и что Брюсов решительно рассеял их. Позиция А. Добролюбова и Л. Семенова была, разумеется, в корне чужда Брюсову. Благодаря встрече с Брюсовым Клюев преодолел кризис и перестал заглушать в себе поэта. «... Через прикосновение к Вам «я» получил крепость и утверждение — сознание того, что опасно держать огонь за пазухой, прописным молчаньем жесть себе внутренности».¹⁵⁰ И преисполненный благодарности, Клюев добавляет: «Прозрение сего родило во мне благоговение и, быть может, больше чем кому-либо, дало мне право выразить Вам любовь свою».¹⁵¹ Кроме того, «Сон о Коневском», рассказанный Клюевым в одном из его более поздних писем к Брюсову, лишний раз наводит на мысль, что содержанием беседы обоих поэтов был ранний русский символизм (и прежде всего, конечно, — А. Добролюбов).¹⁵²

Брюсов, со своей стороны, сочувственно отнесся к Клюеву. Присущее Брюсову критическое чутье помогло ему разглядеть в Клюеве настоящего поэта. «Клюев — поэт подлинный — говорите Вы», — цитирует Брихничев слова Брюсова в своем письме к нему 29 декабря 1912 года.¹⁵³ Брюсов тепло отозвался о Клюеве и в своей статье «Сегодняшний день русской поэзии». Анализируя 50 сборников стихов 1911—1912 годов, Брюсов высоко оценивает две первые книги Клюева, называет их «оригинальными и необычными».¹⁵⁴ «Среди подлинных дебютантов, — заявляет Брюсов, — первое место принадлежит г. Н. Клюеву».¹⁵⁵ Мысль о том, что «Клюев — поэт подлинный», провозглашает и вступление Брюсова к сборнику «Сосен перезвон». Впрочем, эта короткая заметка не претендует на глубинное истолкование клюевских стихов и представляет собой скорее «рассуждение по поводу». Единственное, что выделяет Брюсов в поэзии Клюева, это «огонь религиозного сознания». Брюсов понимал, конечно, и вольполюбивый дух сборника, «крамольный» характер аллюзий и намеков, которыми полна книга. «Здесь не место говорить об основных устремлениях души поэта», — многозначительно замечает он.¹⁵⁶ В дальнейшем, как из-

¹⁴⁵ См., например, его статью «Поэт Голгофского христианства» — рецензию на сборник «Сосен перезвон». «Новая земля», 1912, № 1—2, стр. 3—6. Клюев же, в свою очередь, откликнулся небольшой заметкой на появление книги стихотворений И. Брихничева «Капля крови» (М., 1912). Рецензия Клюева была напечатана в еженедельной московской газете «Столичная молва» (1912, № 247, 4 июня, стр. 3).

¹⁴⁶ ГБЛ, ф. 386, карт. 78, ед. хр. 18, л. 3. Письмо не датировано.

¹⁴⁷ Бронислава Матвеевна Рунт, сестра И. М. Брюсовой.

¹⁴⁸ Валерий Яковлевич Брюсов.

¹⁴⁹ ГБЛ, ф. 386, карт. 145, ед. хр. 35, л. 7 об.

¹⁵⁰ Там же, л. 1.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же, карт. 89, ед. хр. 49, л. 9.

¹⁵³ Там же, карт. 78, ед. хр. 18, л. 5.

¹⁵⁴ «Русская мысль», 1912, № 7, стр. 28 (раздел «В России и за границей»).

¹⁵⁵ Там же, стр. 25.

¹⁵⁶ Н. К л ю е в. Сосен перезвон, стр. 11.

вестно, Брюсов изменил свое отношение к Клюеву и критически воспринял появление «Песнослава».¹⁵⁷

Издание «Новой земли» превалось окончательно в мае 1912 года. Ее продолжением был журнал «Новое вино», первый номер которого вышел в декабре 1912 года. На обложке был помещен портрет Клюева, а в самом номере публиковалось его стихотворение «Святая быль» («Солетали ко мне други-воины») с посвящением И. Брихничеву. Кроме того, на обложке журнала значилось, что в нем «сотрудничают Александр Блок, Валерий Брюсов, Сергей Городецкий, Николай Клюев». Однако именно в этот момент — на грани 1912 и 1913 годов — между Клюевым и Брихничевым происходит разрыв. Уже во втором номере «Нового вина» (январь 1913 года) имя Клюева отсутствует, если не считать статьи Брихничева «Богопосец ли народ? (Из бесед с Николаем Клюевым)». В третьем — и последнем — номере «Нового вина» Клюев вообще не упоминается. Нет его и среди 24 сотрудников журнала, перечисленных на обложке второго и третьего номеров.

Внешним поводом для этого конфликта послужило публично высказанное Брихничевым мнение о том, что Клюев — ... плагиатор. Брихничев с негодованием утверждал, что Клюев позволяет себе «красть чужое и подписываться под ним, как под своим».¹⁵⁸ «Ведь я уже писал Вам о том, — мотивирует Брихничев свои обвинения в письме к Брюсову, — что я знаю о „Братских песнях“ — как я слышал их в 1909 году. Как в 1911 Клюев сам сказал, что записал их в Рязанской губ. и как в 1912 году — выдал за свои».¹⁵⁹ На этом основании Брихничев требовал третейского суда над Клюевым.

Однако действительные причины расхождения между Клюевым и «голгофскими христианами» были более глубокими и, видимо, недостаточно осознавались даже самим Брихничевым. Клюев, творчество которого отнюдь не исчерпывалось «голгофской» темой, уже в 1911—1912 годах пескoлькo тяготился той ролью, на которую его упорно выдвигали деятели «Новой земли». Возвеличивая Клюева, Брихничев и его группа пытались толковать его (как, впрочем, и Блока) в своем духе. Для Клюева же на первом месте всегда стояла поэзия, и он воспринимал своих апологетов из «Новой земли» с известным недоверием. Об этом свидетельствует, например, его недатированное письмо к Блоку (по-видимому, написанное в начале марта 1912 года). В нем Клюев — с явной растерянностью — пишет следующее: «Обращаюсь к Вам еще с просьбой: посоветуйте, что мне делать? „Новая земля“ предлагает мне издать книжку стихов в духе „Песнь братьям“ в №№ 7—8 „Новой земли“ (...). Пишут так убедительно с заголовком „Торопитесь делать добро“, что мне как-то неудобно отвечать необоснованным отказом. Быть может, новоземельцы и искренне веруют, что мои песни — „отклик Елеонских песнопений“. Я вовсе сбит с толку (...). Брюсов мне пишет, что я должен держаться „на занятом положении“, одним словом, недоумениям моим нет конца. Книга предполагается с вступительной статьей что ли епископа Михаила. Но беспокоит меня больше следующее: *не повредит ли мне книжка с такими песнями к художественной стороне?*»¹⁶⁰

Судивший о Клюеве лишь с узких позиций «голгофского христианина», Брихничев явно не понимал и недооценивал его художественных исканий, которые последовательно вели олонецкого поэта к фольклору. Стремление говорить «голосом народа» ощущается в стихах Клюева 1907—1909 годов и, как уже указывалось, в обеих его статьях 1908 года. Поэт старается писать о том, что близко и доступно любому крестьянину — о «родном». В поэзию Клюева проникают мышление, быт, обычаи и язык родной деревни. Влечение Клюева ко всему «родному» закономерно приводит его к народно-поэтическому творчеству. С «литературного» языка поэт переходит на «родной» — фольклорный. Речь героев меняется: «жнецы» и «пахари» начинают говорить «по-народному». Постепенно «исчезает» и автор — Клюев-литератор, поклонник русских символистов. Его место занимает Клюев-сказитель.¹⁶¹ Лирическое начало растворяется в эпическом и сливается с ним. Автор говорит теперь языком безвестных создателей народных песен и сказок; он стремится к «самоустранению», его собственная индивидуальность как бы стирается. Одной из первых попыток

¹⁵⁷ Рецензия Брюсова на первую книгу «Песнослава» напечатана в кн.: Художественное слово. Временник литературного отдела НКП. Книга вторая. М., 1921, стр. 64—65.

¹⁵⁸ ГБЛ, ф. 386, карт. 78, ед. хр. 18, л. 5. Письмо не датировано (штемпель — 29 декабря 1912 года).

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

¹⁶¹ Клюев был не только собирателем и знатоком русского фольклора, но, по свидетельству современников, также замечательным исполнителем народных былин и песен (как и собственных стихов). Художник М. В. Нестеров, впервые увидевший Клюева в Москве в начале 1916 года, вспоминает: «Его манера была обычной манерой, стилем сказителей. Так сказывали Рябины, Кривополенова и другие, попадавшие к нам с Севера» (М. В. Нестеров. Воспоминания, стр. 506—507. Архив Н. М. Нестеровой).

такого рода была «Песня о Соколе и трех птицах божьих». В недатированном письме к Блоку (видимо, октябрь 1908 года) Клюев спрашивает: «Что Вы думаете про такое стихотворство, как моя „Песня о царе Соколе и о трех птицах божьих“? Можно ли так писать? — не наивно ли, не смешно ли?»¹⁶² Блок, видимо, одобрил «такое стихотворство», так как «Песня о Соколе...» была по его рекомендации опубликована в журнале «Бодрое слово».¹⁶³

Пытаясь «самоустрапиться», т. е. растворить свое индивидуальное авторское начало в народном (коллективном), Клюев — приблизительно с 1908 года — создает своего рода стилизации «под фольклор». Жанр этих произведений определить трудно: они в равной степени и записи народных песен, «олитературенные» Клюевым, и авторские стихи, искусно выдержанные в народном духе. К таковым относятся, например, оба «народных» произведения, включенные Клюевым в первую редакцию книги «Сосен перезвон» («Лесная быль», «Песня о царе Соколе»). Эти эпические стихотворения явно выпадали из общего стиля книги, и потому Клюев исключил их из второго издания. К подобным стилизациям принадлежат и отдельные «братские песни», которые Клюев, по его собственному признанию, «вынес» от хлыстов Рязанской губернии.¹⁶⁴ Таким образом, Брехтлицеву (его сомнения были в какой-то мере обоснованными) следовало говорить, конечно, не о «плагиате», якобы совершенном Клюевым, а лишь о его стилизациях в духе народно-песенных традиций.

Переход Клюева с «литературного» языка на эпический протекал постепенно. В 1908—1912 годах (и даже позднее) его поэзия еще «раздваивается» между лирикой и фольклором. Наиболее характерный пример — стихотворение «Под вечер», включенное в сборник «Сосен перезвон». В текст этого стихотворения введена народная песня «Узкая полосынька клинышком сошлась» (явно обработанная Клюевым). Песня разбивает авторское повествование и как бы противостоит ему; стихотворение слагается из двух отличных друг от друга частей.

Разобщенность авторского и фольклорного элементов в поэзии Клюева теряет свою остроту в последующий период его творчества (1913—1917). Клюев — в лучших своих вещах — достигает теперь синтеза или, говоря иначе, вырабатывает на фольклорной основе свой индивидуальный лиро-эпический стиль. Затухает и социально-религиозный пафос, свойственный его ранним стихотворениям. В эти годы Клюев неуклонно приближается к центральной теме своего зрелого творчества — к теме родины, России.

О. В. МИЛЛЕР

ПОМЕТЫ АЛЕКСАНДРА БЛОКА НА ПОЛНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В личной библиотеке Александра Блока, хранящейся в книжных фондах Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, находится Полное собрание сочинений Лермонтова в пяти томах под редакцией Д. И. Абрамовича,¹ на страницах которого сохранились многочисленные пометы А. Блока.

Как заметил Д. Е. Максимов, автор самой ценной работы об отношении Блока к Лермонтову, тема эта изучена еще далеко недостаточно,² фактического материала для такого исследования очень немного, и в этой связи пометы А. Блока на полях академического издания сочинений Лермонтова представляют бесспорный интерес. Сделаны они в разное время и носят различный характер. Часть их (более поздняя) относится ко времени работы А. Блока над изданием однотомника Лермонтова.³ Эту часть помет, сделанных чернилами и цветным карандашом, можно датировать

¹⁶² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39.

¹⁶³ «Бодрое слово», 1909, № 7, апрель, стр. 1—6.

¹⁶⁴ См. его недатированное письмо к С. А. Есенину (август (?) 1915 года). В кн.: Есенин и современность, стр. 240.

¹ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, под редакцией и с примечаниями проф. Д. И. Абрамовича, Издание Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук, СПб., 1910—1913. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

² См.: Д. Е. Максимов. Поэзия Лермонтова. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 248.

³ М. Ю. Лермонтов. Избранные сочинения в одном томе. Редакция, вступительная статья и примечания Александра Блока. Изд. З. И. Гржебина, Берлин—Пб., 1920.